

УДК 821.511.131

А. С. Измайлова

КУЗЁБАЙ ГЕРД И ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

Рассматривается влияние русского ученого богослова писателя П. Флоренского на мировоззрение и творчество удмуртского поэта, просветителя, ученого К. Герда. Оказавшись на Соловках в 1937 г. в качестве политических заключенных, они разделили общую судьбу. Личное общение, взаимный интерес к друг другу перешли в диалог двух разнородных культур – русской и удмуртской. Письма, дошедшие до наших дней, являются важным историческим документом эпохи и свидетельствуют о философских, религиозных, литературных, этнокультурных особенностях эпохи Серебряного Века.

Ключевые слова: К. Герд, Соловецкие острова, отец П. Флоренский, влияние П. Флоренского, путь от атеиста к верующему.

Кузёбай Герд сложился как поэт и ученый при сопряжении разных культур – народной и европейской, светской и церковной, он проделал путь от язычника к христианину, от романтика к реалисту, от поэта-одиночки к поэту-гражданину, воспевающему пафос обновленной земли. Он создал поэтическую летопись жизни своего народа предреволюционных лет и первого десятилетия после октября 1917 года, в которой отразился драматизм современности, напряженная жизнь лирического героя в целях формирования национального идентитета. Важной вехой в творческой эволюции Герда были годы жизни в Москве (1922–1925), учеба в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова. Он оказался в среде русских и национальных писателей (Мате Залка, С. Валайтис, Амур-Санан), попал в орбиту внимания В. Брюсова, А. Горького, был знаком с С. Есениным, В. Маяковским, испытал влияние символистов (В. Брюсов, К. Бальмонт, А. Блок), акмеистов (А. Ахматова, Н. Гумилев), постсимволистов (В. Хлебников, В. Ходасевич, М. Кузмин), поэтов «серебряного века» (М. Цветаева, О. Мандельштам, Б. Пастернак и др.). Успешно окончил аспирантуру Московского научно-исследовательского института национальных и этнических культур народов Востока СССР, написал две диссертации (по фольклору и этнографии), получил звание доцента.

Ему принадлежит идея единения всех финно-угорских народов России и Европы в целях возрождения присущей им в прошлых тысячелетиях самобытности и мощи, исторической памяти. Он осознавал свою миссию посла удмуртского и других финно-угорских народов, объединял усилия представителей творческой и научной интеллигенции в борьбе за новую культуру и демократические формы жизнеустройства. При этом он ориентировался на достижения финской, венгерской, эстонской литературы и культуры.

Трудно сказать, счастливым или трагическим был этот шаг навстречу европеизированной Финляндии, до недавнего времени называемой «буржуазной». Но это была необходимость – необходимость образованного человека, пытающегося осмыслить свое родное, удмуртское, наряду и наравне с европейской культурой и наукой. К. Герд выработал уже способность становиться удмуртом тогда, когда он наиболее финно-угр или европеец.

Кузёбай Герд мог еще много сделать для своего народа, но в расцвете творческих сил, в возрасте 34 года, был обвинен в буржуазном национализме («Дело СОФИН»). В 1932 г. выдающегося сына удмуртского народа, до фанатизма преданного своей Родине, своему народу, приговорили к казни через расстрел.

На Соловецкие острова Кузёбая Герда привезли в конце 1933 г., после почти двух лет тюремного заключения в Нижнем Новгороде. Сколько требовалось ему мужества, чтобы выдержать пытки, допросы, фальсификацию дел, одиночную камеру, приговор к высшей мере наказания, замененный, возможно, по ходатайству М. Горького десятью годами в Соловках!

Здесь он встретился с философом, богословом, ученым, тоже политзаключенным Павлом Флоренским (1882–1937), автором книг «Столп и утверждение истины», «Возвращение», «Особенное», «Детям моим», «Воспоминания прошлых лет» и других. В трагических обстоятельствах встретились две выдающиеся личности, представители двух типов цивилизаций, двух типов этнических культур.

Павел Флоренский, попав на Соловки из Филипповой пустыни, где он находился с 1935 г., продолжал вести научные исследования, хотя в лагерных условиях это было чрезвычайно трудно. Он встретил здесь немало талантливых, известных людей, в том числе и Кузёбая Герда. Флоренский руководил лабораторией йодопроста, был заметной фигурой в коллективе заключенных. «Ваш дедушка Флоренский на Соловках был самый уважаемый человек – гениальный, безропотный, мужественный философ, математик и богослов. Мое впечатление о Флоренском, да это и всех заключенных мнение, бывших с ним, – высокая духовность, доброжелательное отношение к людям, богатство души. Все то, что облагораживает человека», – писал о нем один из узников лагеря А. Г. Фаворский [см. об этом: 1. С. 351].

Подобную характеристику отцу Павлу Флоренскому мог бы дать и удмуртский поэт, который работал с ним на йодопросте. В свободное время они, очевидно, беседовали, обменивались интересной и полезной информацией. Их объединяли высокая духовность и интеллект, демократические взгляды на мир и человека. Об этом говорят письма выдающегося ученого и богослова. Вот одно из них.

«Соловки. Дорогой Мих. (Михаил – третий сын Флоренских. – А. И.), на этот раз отправимся с тобою путешествовать снова в Удмуртию (Вотскую область), а потом в Бухару. Но поедem не наедаться, а смотреть игрища. В летнее время они устраиваются в Удмуртии торжественно. Очень оживленно происходит борьба. Борются представители отдельных территориальных участков, и успех победителя считается честью всего участка. Поэтому выбирают самых надежных борцов, а если не находят достаточно надежного у себя, то приглашают со стороны. Но его надо именно пригласить, сам не подойдет. Еще состязания: ставят котел с кислым молоком, а на дно его кладется золотой. Требуется окунуть голову в кислое молоко и вытащить золотой зубами. Удмурты ходят с волосами, и после такого окунания вся голова становится белой; татары же бреют голову, и кислое молоко стекается у них за шиворот. Другая игра – влезание на столб, на вершине которого кладется сукно или часы. Сумевший влезть на столб берет приз себе. Затем устраивают бег в мешках. Или еще – бег с ложкой в руке, причем в ложку кладется сырое яйцо. Надо добежать к финишу первым, не разбив яйца; если же оно упадет, не разбившись при падении, то такое падение не порочит бегуна. Другая игра – битье горшков. На столбе ставится горшок. Состязающимся завязывают глаза, отводят на пятнадцать шагов от горшка, поворачивают, и затем они должны подойти к горшку и разбить его дрыном, но бить можно только однократно. Зрители забавляются тем, что играющие уходят на пятнадцать шагов куда-нибудь в сторону и напрасно поражают воздух. Когда происходят конские бега, то премией служат навешиваемые на коня-победителя особые шерстяные, узорно-затканые полосы, носимые молодцами какой-то срок после свадьбы. Лошади понимают значение этой чести, и когда победителя проезживают после бега, то прочие лошади из зависти начинают его кусать. Забыл еще сказать, что победившему борцу достается половина сбора из добровольных пожертвований зрителей. 1935. III. 21» [1. С. 362].

Одним удмуртом в цитируемом автором статьи письме Павла Флоренского, очевидно, был Кузубай Герд, он же является источником информации и не раз посвящал великого ученого в «тайны» этнографического и фольклорного искусства народа. Даже в застенках Соловецкого концлагеря у Герда не умерла любовь к своему народу, его неповторимой культуре. Отец Флоренский не только запомнил эти рассказы об обрядовых зрелищах и играх удмуртов, но и описал их в письме к сыну.

Еще одним важным доказательством общения двух ученых, а также влияния П. А. Флоренского являются строки письма К. П. Герда из Соловков жене Надежде Антоновне: «Надя! Я никогда не верил в бога, но тут поверил». Имеем основание утверждать: отец Флоренский влиял на Герда и как священнослужитель [6. С. 230].

В лице П. Флоренского русская культура 20–30-х гг. XX в. вновь обратилась к истокам и родникам подлинной духовности, причем научно обоснованным. Павел Флоренский отстаивал духовную ценность православия, в котором находит высшее и истинное воплощение всех общечеловеческих стремлений. Культ человека, не ограниченного в деятельности и правах высшими, надчеловеческими духовными ценностями, неизбежно приводит в области

искусства к крайнему индивидуализму, в области науки – к оторванным от жизни знаниям, в области хозяйства – к хищничеству, а в области политики – к культу личности.

Книга «Мнимости в геометрии» – важнейший труд П. Флоренского, за который он был репрессирован. Эта книга явилась ударом по материализму, считающему материю главной реальностью мироздания. Как раз эта реальность при световых скоростях оказывается нулевой, мнимой, а «мнимости» мира обретают истинную реальность. Священник и богослов Павел Флоренский умышленно отказался здесь от любимых богословских и канонических рассуждений. Ценность труда в том и заключается, что, оставаясь в пределах физики, геометрии и космологии, автор фактически полностью подтверждает и даже доказывает подлинность мистического христианского опыта. Это настоящее «опытное» бого-познание, известное с древнейших времен. Суть такого пути – в свободном следовании за истиной, которая сама ведет к богу. Сотворив свет – а именно с него начинается сотворение мира («И сказал Бог: да будет свет. И стал свет») – Бог одновременно создал вечные и нерушимые сущности вещей. Смерть и разрушение возникают на границе между нашей и «мнимой», а правильное сказать – вечной реальностью.

Необходимо вспомнить «Иконостас» П. Флоренского и его учение об обратной перспективе в иконописной традиции. Обратная перспектива возникает на сферически изогнутой поверхности, как бы охватывающей зрителя. Плоскость иконы – реальность. «Мнимость» – сферическая вогнутость, создаваемая взором и кистью художника. Это и есть то мистическое пространство, в котором зритель присутствует как участник события, поскольку сфера замыкается позади него. «Подобным же образом сферически выгнут, искривлен трехмерный объем нашей Вселенной, – пишет академик К. Кедров. – Если бы были способы видеть четырехмерную перспективу событий, то смерть исчезла бы в нашем восприятии как иллюзия ограниченного зрения. Каждое явление, растянувшись в линию мировых событий и опоясав меридианом сферическую Вселенную, вернулось бы к своему началу» [4. С. 3–4]. Для Флоренского сферическая изогнутость обратной перспективы как раз и есть подлинная реальность, хотя она и названа «мнимой». Мистическое пространство иконы – не изображение рая, а его вместилище. «Мнимости» – зримый рай. Вот почему так неожиданно для читателей Флоренский переходит от чисто геометрических формул к «Божественной комедии» Данте. Данте обретает утраченный Адамом рай, когда минует некую точку выворачивания, оказавшись на обратной поверхности Птолемеевой сферы. Данте спускается вниз в ад до зеркально отраженной вершины Голгофы. Вершина Голгофы как бы прокалывает все миры. Ад и рай для человека есть та реальность, с которой он соприкасается в большей или меньшей степени, прежде всего, в своей духовной жизни.

Жизнь духа близка к релятивистской космогонии XX в., к неевклидовой геометрии. Ясно, что интеллект человека, а тем более его дух, требует иных, запредельных скоростей. Геометрические формулы неевклидовой геометрии есть чертеж смерти и бессмертия человека. По-видимому, в своих беседах с Кузёбаем Гердом Павел Флоренский познакомил его с учением о мнимостях и обратной перспективе.

Мнимости – это запредельные величины, это сны, видения, загробная жизнь. До Флоренского все это считалось уделом религиозной мечты, и вдруг – космология, физика, геометрия. А. Эйнштейн открыл, что скорость света имеет предел. А дальше? А дальше тот свет, о котором говорит Флоренский. Он реален, его можно увидеть в обратной перспективе сквозь резную решетку царских врат во время богослужения или в отсвете лампы, отраженном в стекле киота. Икона есть окно в запредельный мир. Вот одно из доказательств бытия Божия по П. Флоренскому: «Если есть Троица Рублева, значит, есть Бог».

Перспектива иконы сходится не в отдаленной точке воображаемого пространства, а в человеке. Вся Вселенная спроецирована сюда.

Кузёбай Герд, который был равнодушен к вопросам религии, хотя, скорее, был атеистом, чем верующим (стихотворение «Инмар» – «Бог»), на Соловках, очевидно, пережил духовный переворот под влиянием отца Павла Флоренского, который многих людей обратил на путь веры. Признание «никогда не верил в Бога, но тут поверил» – яркое тому свидетельство [см.: 3. С. 264–302].

Трагическая по земным меркам судьба Павла Флоренского привела не к гибели, а к торжеству и победе устремлений его жизни. На самом деле трагична не только судьба Флоренского, трагично время, в которое он жил, трагична культура, которая оказалась неспособной принять в себя мыслителя, священника и ученого. Эти слова справедливы и по отношению к Кузёбаю Герду. Поэт, общественный деятель, ученый, он не был понят и принят временем, полностью изъят из литературного процесса. По отношению к нему справедливо определение «гения удмуртского народа» – то есть человека, который опередил свое время, разработав новые направления в сфере политики, культуры, науки. Как писал Флоренский, «гения забивают камнями». Только в середине 60-х Герд вернулся к себе на родину сборниками стихотворений, критическими и литературоведческими работами.

Нельзя сказать, что сегодня подняты все завесы, приоткрывающие подлинный облик писателя, гражданина, пророка, общественного деятеля. По определению венгерского профессора Петера Домокоша [2. С. 115], Кузёбай Герд – это «литературное обобщение духовного и эмоционального мира удмуртов», постигающих основы мировой культуры и цивилизации, пророк, сеятель и просветитель.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Возвращение: Сб. ст. Вып. 1. М., 1991. 577 с.
2. Домокош П. История удмуртской литературы: пер. с венг. яз. Ижевск, 1993. 445 с.
3. Зуева А. С. Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций: монография. Ижевск, 1997. 372 с.
4. Кедров К. Зримый рай Павла Флоренского // Наука и религия. 1993. № 7. С. 4–5.
5. Кувшинова Р. А. Кузёбай Герд: годы в неволе // Удмуртская правда. 1990. 16 июня.
6. Литературная учеба. М., 1993. № 1. 211 с.

Поступила в редакцию 23.09.2014

A. S. Izmaylova

Kuzebay Gerd and Pavel Florensky

The paper discusses the influence of the ideas of the Russian scholar Petr Florensky on the philosophy and creative work of the Udmurt poet and scholar Kuzebay Gerd. They met and shared their destiny as political prisoners on Solovetsky Islands in 1937. Their personal communication and mutual interest developed into the dialogue between the Russian and Udmurt cultures. Their correspondence documented the philosophical, religious, literary and cultural peculiarities of the Silver Age of Russian Poetry.

Keywords: K. Gerd, Solovetsky Islands, confessor P. Florensky, influence of P. Florensky, the journey from atheist to believer.

Измайлова Анна Сергеевна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: izmailovaizh@gmail.com

Izmaylova Anna Sergeevna,
Doctor of Sciences (Philology), Professor,
The Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: izmailovaizh@gmail.com